

Красная звезда. — 1995. — 18 янв.

КАК САМЫЙ ИСКРЕННИЙ ДРУГ...

Имена
и судьбы

Перед началом каких-либо крупных литературных сделок за ним посылали машину. И когда он, высокий и чуть сутуловатый, в круглых очках очень толстого стекла, появлялся, придерживаемый кем-то за руку, по коридорам, от человека к человеку, прокатывался почтительный шепот:

— Исаковский пришел! Михаил Васильевич появился!

Последние годы своей жизни Исаковский редко показывался на публике. И не только из-за болезни, сдерживала его и врожденная скромность. Он никогда не был литературным начальником. Он был просто поэтом. Почти классиком при жизни. Александр Твардовский считал Михаила Васильевича своим учителем, написал о его творчестве лучшие статьи.

Только в глубинной России, пожалуй, возможно такое чудо: два титана поэзии вышли из одной, близкой друг к другу местности Смоленщины: Твардовский — починковский, а Исаковский — ельнинский. Считай, почти через дорогу эти районы, через межу. «Всего у моей матери Дарьи Григорьевны, — пишет сам Исаковский, — и отца Василия Назаровича было тринадцать человек детей (я родился двенадцатым, но выжило только пятеро». В деревне Глотовке их всегда знали как Исаковых, а Исаковскими они стали благодаря старшему брату Михаила Васильевича, Павлу, который ра-

ботал помощником писаря в волостном правлении. Он на всех бумагах, чтобы придать своей фамилии «весомый» вид, стал расписываться Исаковский. С тех пор так и пошло, как бы законно и укоренилось...

В литературу Исаковского вывел его яркий талант. Сам он не пытался чем-то выделиться, где-то выгодно мелькнуть, как делали некоторые поэты, завоевывавшая популярность. У него все шло как бы само собой, от стиха к стиху, от книги к книге, его звали, просили, заказывали, благодарили.

Первый сборник «Провода в соломе» вышел у Михаила Васильевича в Москве в 1927 году. Он в это время работал в смоленской газете «Рабочий путь». До этого Исаковский, вскоре после революции, редактировал уездную газетку в Ельне. На этом, собственно, если не считать московского журнала «Колхозник», который он возглавлял всего около года, и закончилась его трудовая деятельность. Он целиком ушел в любимое свое дело, без которого и дня прожить не мог, — в поэзию, в литературу, к которой относился свято, как к религии: «Поэт обязан разговаривать со своими читателями как самый искренний друг, а не «жрец», изрекающий истины на каком-то выдуманном им самим языке, должен в своем творчестве затрагивать все самое существенное, все самое важное в жизни народа»...

Так всегда и поступал Исаковский. Если, к примеру, творчество Чехова целиком годится для кино, то Михаил Исаковский почти весь поется. Это первый признак особого таланта, народности. Каждый его стих как бы обрамлен алмазами, которые так и сверкают, так и светятся всеми

яркими гранями, радуя и вдохновляя нас.

«Катюшу» Исаковского знает весь мир. И вообще все его стихи, положенные на песни, мировые. Они тревожат душу человека любой нации. «Летят перелетные птицы», «До свиданья, города и хаты», «Дан приказ: ему на запад», «Снова замерло все до рассвета», «Не тревожь ты меня, не тревожь», «Любушка», «И кто его знает»... И самые популярные, пожалуй, которые стали как бы песенными гимнами: «В лесу прифронтовом» и «Враги сожгли родную хату»...

Исаковский берет глубочайшим содержанием, мыслью, чаяниями народа, иронией и юмором, которые почти не заметны, но сразу же западают в душу:

Пусть свет и радость
прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А колья придется в землю лезь,
Так это ж только раз...

Песня «Враги сожгли родную хату» одно время была запрещена: грустная, мол, очень, не соответствует Победе. Тоже мне нашлись ценители! Да эта же песня несет в себе самую жгучую правду, которой не надо бояться. Правда всегда очищает и окрыляет.

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

В перестроечные годы, когда модно было крушить и охаивать все прошлое, найтвое за семьдесят лет, досталось и Михаилу Исаковскому: зачем, мол, Сталина посвящать стихи? А разве он один посвящал? Борис Пастернак и тот отдал дань литературным нравам той эпохи. А Исаковский был сыном своего времени, он в партию вступил еще в 1918 году и, будучи деревенским бед-

няком, наверняка верил в светлое будущее. Ведь коммунистическая идея по сути своей святая и вечная, как вера в Бога: равенство, братство, мир на земле... Исаковский, как крупнейший художник и заступник народный, ради этого жил и творил.

Не так уж много по сравнению с другими написал он за семьдесят три года жизни, но если положить все созданное им на творческие сверхточные весы, то стрелка рванет вверх в его пользу. Исаковский «баловался» и прозой. Его очерковая книга «На Ельнинской земле» — как учеб-

ник истории, одобренный художественными красками. Не чурался он и юмора, эпиграммы. Его меткие четверостишия ходили по рукам, их помнят до сих пор, особенно эпиграмму на Степана Щипачева, его приятеля, который долго и нудно проводил совещания, будучи секретарем. Любил Михаил Васильевич подшутить и над собой. Как-то лежал он в больнице и у него обнаружили в крови холестерин. Родные заахали, побежали узнавать, что это такое.

Дескать, что же ты наделал,
бесов сын,
Для чего же ты развел
холестерин?
От него болит и печень
у людей, —
Для чего ж ты накопил его,
злодей?

Наступило время грустное —
Винегретное, капустаное...

Из заметки я узнал
секрет один —
Растворится в спирту
холестерин!

Ну а если растворяется,
Значит, водка одобряется...

В эти дни Михаилу Васильевичу Исаковскому исполнилось бы девяносто пять лет. Его помнили и помнят. Читают и поют. После исполнения его песен многое из современной эстрадной моды кажется какой-то бесовщиной...

На радио и телевидении Исаковского вспоминают редко. Но есть пластинки с его песнями. Заведешь их — и душа наполнится гордостью за Отечество, за народ свой, а сердце омоеется как бы чистой родниковой водой. Это Исаковский, русский народный поэт пушкинской школы.

Юрий ГРИБОВ,
«Красная звезда».